УДК 821.161.1

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

© Татьяна Смыковская

THE FAR EAST IN PAVEL FLORENSKY'S FATE AND OEUVRE

Tatyana Smykovskaya

The subject of this article is Pavel Florensky, a prominent priest who was arrested in the 1930s and spent the early years of his sentence in the Amur Correctional Labor Camp, which was part of the BAMlag camp complex in the modern-day Amur Province. There is scant information on this period of his life. The article includes rare archival documents as well as hitherto unpublished witness testimony. In addition to this biographical line of inquiry, the article investigates the long poem "Oro", which Florensky began writing as an inmate in BAMlag. The poem falls under the category of what was known as "clandestine literature" (*potaionnaia literatura*), i. e., productions that were composed inside the camp and secretly smuggled outside, whether in letters, by free workers, or via some other means. "Oro", notable for its depiction of the Far East, has never been analyzed before. For Florensky, it became the cynosure of his religious, philosophical, scholarly, and artistic intellectual endeavors. Although the work remained unfinished, its imaginative representation of the Far Eastern lands is multifaceted and expressive. The article analyzes the temporal and spatial components of Florensky's image of the Far East and its system of color epithets. On the whole, the image in question shows that Florensky regarded his "trials in the Land of the Amur River" as a gift from God and fate, for which he was grateful despite the historical cataclysms he witnessed and personal tragedies he endured. His presence in this locale not only deepened and broadened his scholarly research but also brought his poetic gift back to life.

Keywords: Far East, Amur region, BAMlag, Florensky, poem "Oro".

В статье рассказывается о выдающемся ученом, философе, поэте, священнике Павле Флоренском, репрессированном в 1930-е годы. В публикации восстанавливаются факты пребывания отца Павла в Байкало-Амурском исправительно-трудовом лагере (БАМлаг, территория совр. Приамурья), где он начинал отбывать свой тюремный срок. Сведения об этом жизненном периоде священника крайне скудны. В статье представлены уникальные архивные материалы, впервые приведены воспоминания очевидцев событий. Помимо биографической реконструкции предпринимается попытка исследования поэмы «Оро», которую Флоренский начал писать, будучи заключенным БАМлага. Она относится к так называемой «потаенной литературе»: произведениям, создававшимся в лагере и тайно передававшимся на волю (в письмах, через вольнонаемных и пр.). В «Оро», впервые вводимая в литературоведческий дискурс, акцентируется образ Дальнего Востока, ставший для отца Павла средоточием религиозных, философских, научных и художественных размышлений. Образное восприятие дальневосточных пределов в произведении, несмотря на его незавершенность, изобразительно многогранно и экспрессивно. В статье анализируются пространственно-временные составляющие образа, символика и цветовая эпитетика. В целом образ Дальнего Востока свидетельствует о том, что, вопреки историческим катаклизмам и личностным невзгодам, отец Павел с благодарностью воспринял посланное судьбой и Богом «испытание амурской землей». Оно не только углубило и расширило научные изыскания Флоренского, но и воскресило его поэтический дар.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приамурье, БАМлаг, Флоренский, поэма «Оро».

Священнослужителя, религиозного мыслителя, философа, математика, физика, искусствоведа, поэта П. А. Флоренского за научный универсализм называют «русским Леонардо». А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» (1964–1968) назвал отца Павла одним из «самых замечательных людей, проглоченных Архипела-

гом навсегда» [Солженицын, с. 539]. Несмотря на то что с начала 1990-х годов труды ученого-энциклопедиста сделались доступны и стали предметом пристального изучения, «белых пятен» в его биографии, исследовательской деятельности и художественном творчестве по-прежнему немало. Одно из них – пребывание от-

ца Павла на амурской земле в качестве заключенного БАМлага¹. Данных об этом кратком, но весьма плодотворном периоде жизни Флоренского немного. Однако и эти осколки сведений зачастую отличаются неточностью и разночтением.

П. А. Флоренский был арестован в третий раз² 26 февраля 1933 года. По словам внука П. В. Флоренского, это произошло на служебной квартире в присутствии сына [Больше, чем любовь: Павел и Анна Флоренские]. Священника репрессировали по «Делу № 2886 о контрреволюционной националистической фашистской организации», именовавшейся, по мнению следователей, «Партией возрождения России». С 26 февраля по 7 марта Флоренский подвергался допросам. По-видимому, понимая бессмысленность сопротивления и опасаясь за судьбу семьи, признал себя членом некой национал-фашистской группировки. Итогом сфабрикованного дела стал приговор тройки при ПП ОГПУ МО от 26 июля 1933 года: «Слушали: Дело № 2886 по обвинению Флоренского Павла Александровича по ст. 58/10 и 11 УК. / Постановили: Флоренского Павла Александровича – заключить в исправтрудлагерь, сроком на десять лет, считая срок с 25/II–33 г.» [Павел Александрович Флоренский, с. 519–520]. Отцу Павлу в качестве заключенного предстояло отправиться в БАМлаг. С 15 по 21 августа Флоренский находился на этапе Москва – Свердловск. Следующими точками переброски стали Тулун, Иркутск, Чита и Урульга. Согласно архивной карточке, 24 сентября 1933 года с иркутским этапом Флоренский прибыл в БАМлаг [Архив УМВД России]. Из лагерного учетного документа следует, что с 24 сентября по 25 декабря он находился в 3-ем отделении БАМлага [Там же]. В начале отбывал наказание в Урульге, но вскоре отправлен в Нангры, где жил с 1 октября по 29 ноября. По сведениям игумена Андроника (А. С. Трубочева)³, изучавшего гулаговское дело Флоренского, ученый был назначен инженером научно-исследовательского отдела Управления БАМа и «вторых путей», работал над математическими расчетами к теории по мерзлотоведению [Павел Александрович Фло-

ренский, с. 520]. 29–30 ноября отца Павла переводят на станцию Ксенийевская, откуда 2 декабря отправляют в город Свободный, где он приписывается к научно-исследовательскому отделу Управления БАМлага и живет в бараке № 4.

В письмах к семье, сохранившихся благодаря подвигу жены Анны Михайловны, Флоренский сообщал:

<...> если говорить о Свободном, то местность тут весьма неинтересная: широкая долина реки Зеи, безнадёжно плоская и унылая, видны лишь песчаные дюны, поросшие маньчжурским дубом, вроде кустарника <...>. Местность сравнительно низкая, воздух совсем не тот, что в Ксенийевской, небо далеко не такое ясное, солнце тускловатое и мало греет. Самый город состоит из низких деревянных домов; очень широко разставленных на очень широких и длинных улицах. Почва песчаная, снежный покров настолько тонок, что везде прерывается и по дорогам лежит не снег, а песок, смешанный со снегом. Словом, тут нет ничего нарядного и привлекательного [Флоренский, 1998, с. 51] (здесь и далее в письмах сохранены авторская орфография и пунктуация – Т. С.).

При всей неприглядности свободненского пейзажа Флоренский смог увидеть в нем «красивое» – «на небе»:

Очень яркие звёзды, вечно светящая луна, около которой нередко галё. Замечательно яркие зори чудных красок. Самое красивое здесь – это сумеречный сегмент, поднимающийся высоко, насыщенного сизого цвета и окаймлённого яркой пурпурной дугой. Такого сегмента и таких зорь я нигде в других местностях не видел [Там же, с. 68].

Из писем известно, что в Свободном Флоренский «начал большие работы по изучению физики мерзлоты», совместно с П. Н. Каптеревым⁴ составил научную программу, прорабатывал специальную литературу, читал доклады, вел занятия по высшей математике и латинскому языку. Свою жизнь в первой столице БАМа он характеризовал как неспешную, размеренную и деятельную, его удручало одно – тревога за судьбы родных и близких:

Стараюсь я здесь быть активным, выступаю на всех собраниях научного характера, много занимаюсь – чтобы несколько забыться, но тем не менее всё время думаю и беспокоюсь о вас, и потому не могу делать того, на что был бы способен [Там же, с. 67].

¹ Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь (БАМлаг) основан в 1932 году и являлся одним из самых крупных подразделений ГУЛАГа. Управление лагеря располагалось в городе Свободный. История БАМлага связана прежде всего со строительством «вторых путей», так в те годы именовали Байкало-Амурскую магистраль.

² Первый раз П. А. Флоренский был арестован в 1906 году, второй – в 1928.

³ Внук П. А. Флоренского, сын дочери Ольги.

⁴ Павел Николаевич Каптерев (1889–1955) – ученый, соратник Флоренского, осужденный вместе с ним по одному делу. В лагере находился до 1936 года.

О пребывании Флоренского в Свободном сохранилось воспоминание учительницы Т. А. Михалкиной, в девичестве Померанцевой. С 1933 по 1937 год в их доме останавливались научные экспедиции М. И. Сумгина⁵, которого и навещал Флоренский: «Первый раз пришел обыкновенный мужчина в пиджаке, сапогах, а потом оказалось священник. Когда приходил, они всегда почему-то пели „Вечерний звон“» [От мира сего...]. По-видимому, именно Сумгин, узнав о том, что в свободненском лагере отбывает наказание ученый мирового масштаба, стал хлопотать о переводе Флоренского на Опытную мерзлотную станцию (ОМС) в город Рухлово⁶ на севере Амурской области (с 16 декабря 1938 – Сковородино)⁷. В результате 16 февраля 1934 года Флоренского и Каптерева этапировали в Рухлово. Небольшое поселение, в противовес Свободному, сразу было воспринято тепло и положительно:

Вид здесь хоть и не очень красивый, но всё таки совсем не такое уныние, как в Свободном: всё таки горы. В общем пейзаж несколько напоминает Армению, по крайней мере теперь, т. е. пока нет зелени [Флоренский, 1998, с. 91–92].

Самым светлым событием рухловской жизни (как, наверное, и всей лагерной) была встреча с женой и младшими детьми (Олей, Микой и Тикой), приехавшими 1 июля 1934 года. В мае 1934 года Анне Михайловне Флоренской Управлением БАМлага разрешается свидание с мужем. Благодаря помощи Е. П. Пешковой, семья отправляется в долгую дорогу. По словам внучки М. С. Трубачевой, Анна Михайловна прибыла в Рухлово с особой миссией [Больше, чем любовь...]. Через нее просили благословения на отъезд из России в Чехию духовные дочери отца Павла, бывшие сестры милосердия Красного креста Ксения Родзянко и Татьяна Шауфус, к 1934 году уже трижды подвергавшиеся аресту. Переехать в Чехию было предложено и семье Флоренских. Однако отец Павел категорически отверг даже мысль об эмиграции. По свидетельству родных, священник ответил словами Апостола Павла: «Надо быть довольным тем, что есть». Игумен Андроник пишет:

Возможно, это был единственный в истории ГУЛАГа случай отказа заключенного освободиться, воссоединиться с семьей и жить в почете в благополучной стране – и он принадлежал священнику Русской Православной Церкви [Игумен Андроник].

Отец Сергей Булгаков, познавший горечь эмиграции, так объяснял причину столь твердого нежелания Флоренского покинуть родину:

Отцу Павлу было органически свойственно чувство родины. <...> он нашел для себя обетованную землю у Троицы Сергия, возлюбив в ней каждый уголок и растение, ее лето и зиму, ее весну и осень. Не умею передать словами то чувство родины, России, великой и могучей в судьбах своих, при всех грехах и падениях, но и в испытаниях своей избранности, как оно жило в отце Павле. И, разумеется, это было не случайно, что он не выехал за границу, где могла, конечно, ожидать его блестящая научная будущность и, вероятно, мировая слава, которая для него и вообще кажется не существовала. Конечно, он знал, что может его ожидать, не мог не знать, слишком неумолимо говорили об этом судьбы родины, сверху донизу <...>. Можно сказать, что жизнь ему как бы предлагала выбор между Соловками и Парижем, но он избрал... родину, хотя то и были Соловки, но восхотел до конца разделить судьбу со своим народом. Отец Павел органически не мог и не хотел стать эмигрантом и в смысле вольного или невольного отрыва от родины, и сам он и судьба его есть слава и величие России, хотя вместе с тем и величайшее ее преступление [П. А. Флоренский. Pro et contra, с. 399–400].

Радость семейного воссоединения в Рухлово была недолгой, поскольку Флоренского срочно вызвали в Свободный. 17 августа его помещают в изолятор. Последнее, что значит в архивной карточке заключенного БАМлага П. А. Флоренского: 2 сентября 1934 года убыл в Соловецкий лагерь [Архив...]. Труды ученого по мерзлотоведению при переводе ОМС в Тынду были уничтожены, часть отправлена в Москву, в архиве учреждения сохранилось лишь несколько работ, переписанных лагерным каллиграфом. Глава ОМС Н. И. Быков в письме от 2 декабря 1934 года сообщал академику В. И. Вернадскому:

<...> К сожалению, я не могу передать Вам мнение и впечатление П. А.⁸, который читал эту книгу, потому что в конце августа он был снят с работы на Мерзлотной станции и переброшен в неизвестном направлении; как выяснилось потом, в Солов. мон.⁹ С его уходом станция потеряла крупнейшего работника и ряд начатых им чрезвычайно интересных работ, к

⁵ Михаил Иванович Сумгин (1873–1942) – выдающийся ученый, доктор геологических наук, основатель геокриологии – науки, изучающей мерзлую зону литосферы.

⁶ В письмах Флоренского в качестве адреса везде указана станция Сковородино.

⁷ Из архивной карточки заключенного следует, что ОМС входила в состав 5-го отделения БАМлага.

⁸ Павел Александрович.

⁹ Соловецкий монастырь.

сожалению, остался незаконченным [Флоренский, 1998, с. 738].

Обращаясь к жене, Флоренский писал:

У всех своё горе и свой крест. Поэтому не ропщи на свой. За это время я видел кругом себя столько горя во всех видах и по всяким причинам, что этим собственное отвлекалось [Там же, с. 103].

Флоренский как глубоко духовная, целостная личность не корил судьбу, не жаловался на лагеря, наверное, полагая его испытанием, посланным свыше. Жизнь в заключении должна проходить достойно: не унывать, помогать другим, нести свою нравственную и научную миссию, любить ту землю и тот край, где оказался волей Божьей. Все это во многом подтверждает поэма «Оро» (1934–1937), начальный вариант которой отец Павел написал в БАМлаге.

П. В. Флоренский и А. И. Олексенко в прологе к лагерным письмам священника отмечают:

Пребывание на Дальнем Востоке – один из самых ярких, трагически счастливых периодов жизни Флоренского. <...> Творческий подъем был столь велик, что после многолетнего перерыва он вновь заговорил стихами¹⁰ [Там же, с. 10, 11].

Отец Павел, находясь в Рухлово, задумывает поэму об ороконах¹¹, одном из коренных народов Приамурья. В основном она пишется «на телеге», в рабочих поездках, «когда выбирается немного времени» [Там же, с. 130]. Первая редакция «Оро», включившая объемное прозаическое предисловие, создана на ОМС, ее машинописный текст Флоренский передал семье во время приезда в БАМлаг.

Впервые о поэме упомянуто в письме от 24 апреля 1934 года:

Встретили даже двух орочён, которыми я весьма заинтересован, тем более, что начал писать поэму «Орочён», специально для Мика <...> [Там же, с. 115].

Далее ученый приводит фрагменты будущего произведения и кратко пересказывает его сюжет:

Мику вероятно будет интересна история орочён-ского мальчика, мечтателя и наблюдателя природы, который встретился с заключённым грузином, наслушался от него рассказов о Кавказе, придумал налетную теорию вулканов (это моя теория), ищет с кем посоветоваться и попадает к нам на ОМС. <...> Мальчик остается на ОМС, учится и делается исследователем [Там же, с. 117–118].

В одном из следующих писем отец Павел сообщает о новом названии поэмы – «Оро» («Олень»), данном по имени главного героя. В целом Флоренский был глубоко увлечен ороchonской культурой, просил «достать словарь и грамматику тунгусского языка» [Там же, с. 126], желая создать учебную базу для ороchon¹².

Флоренский, как и многие официальные поэты БАМлага¹³, ощущал себя первооткрывателем дальневосточной темы. Восток страны представлялся ученому, большую часть жизни проводившему в центральной России, загадочной землей:

В молве людской давно поблек,
Полузабыт стоит Восток.
Но как таинственно странна
Та первозданная страна [Флоренский, 1997, с. 91]¹⁴.

Протяжная аллитерационная цепочка *т – н – ст – нн – стр – нн – т – н – р – нн – стр – н* акцентирует отдаленность и обширность изображаемого места. Звукопись образует «фугированную» ткань текста, складывающуюся в анаграммы *простор – пространный*, фиксирующие необъятность и неизбежность края. Дальний Восток

¹² По-видимому, Флоренский был не знаком с работами В. К. Арсеньева (1872–1930), с 1908 года вплоть до смерти собиравшего и систематизировавшего ороchonскую лексику.

¹³ Литература БАМлага – явление широкое и уникальное, в ней выделяются три пласта. Первую, самую многочисленную группу составляют литераторы, чьи творческие устремления были подчинены соцреалистическим канонам, за соблюдением которых в лагере неусыпно следил культурно-воспитательный отдел (официальная литература БАМлага). Второй, наиболее противоречивый и неоднозначный пласт составили литераторы, внутренне не принимавшие тоталитарную систему, но в силу разных причин вынужденные приспособляться к лагерной действительности. Почти все они писали до заключения, а многие выросли на традициях «серебряного века». Третий пласт составляют авторы, скрывавшие свое творчество. Самыми «известными» произведениями такого рода являются роман А. И. Цветаевой «Амог» (1939–1941; 1972) и неоконченная поэма П. А. Флоренского «Оро».

¹⁴ Авторская орфография и пунктуация в поэме оставлены без изменений.

¹⁰ В начале XX века Флоренский был близок к символистам, под их влиянием создал поэмы «Белый камень» (1904) и «Святой Владимир» (1904), опубликовал сборник стихов «В вечной лазури» (1907).

¹¹ Орочоны – группа южных эвенков, живущих в районах от Забайкалья до северо-восточной части Амурской области. Орочонами также называют эвенков, проживающих в Китае и в центральной Монголии.

в поэме приобретает черты романтического топоса, экзотического пространства, в котором существует необычный для русской литературы персонаж, ороchonский мальчик. Он, ребенок тайги, подобно герою романтизма, бросает вызов миру и становится выдающимся исследователем:

Так из лесов Олень попал
В тройной Лежандров интеграл [Там же, с. 156].

Романтический ореол придает произведению оптимистический пафос. Автор желал показать, что, несмотря на непреодолимые препятствия (глубокая родовая связь с отцом и таежной природой, отсутствие образования), Оро, попадая на Опытно-мерзлотную станцию, добивается заданной цели. Рассказывая историю упорного ороचना и посвящая поэму сыну, Флоренский, вероятно, стремился сохранить в детях жизнеутверждающее начало. Этой идее Флоренский подчиняет размер и ритм «Оро»: «Автор избрал для своей поэмы четырехстопный ямб, как наиболее бодрый и быстрый темп. Чтобы исключить женственность, мечтательность, неопределенность, автор запретил себе женские рифмы» [Там же, с. 35]. В письме к сыну Кириллу отец Павел поясняет: «<...> ты не замечаешь <...> бодрого тона, данного размером и ритмом, и бодрой идеологии, которая раскрывается в **преодолении** (выделено П. А. Флоренским. – Т. С.) обратного мироощущения, а не в простом незамечании всего, что может ослабить дух и вести к унынию» [Флоренский, 1998, с. 339–340]. Ритмический строй поэмы «Оро», повсеместно созданной мужской рифмой, роднит ее с «Мцыри» (1838) М. Ю. Лермонтова и сближает с мыслью романтиков о несвободе как противоестественном состоянии человека. Обстоятельства способны подавить и унижить, но не отнять права на борьбу, внутренний протест и мечту.

Если большинство лагерных авторов сосредоточивали внимание на мотивном комплексе трудового покорения неизведанного востока, его подчинения новому советскому человеку, то отец Павел в качестве художественной доминанты избрал образ таинственной мерзлоты, скрытой в глубинах северных амурских земель:

Но даст холодный сверхвосток
Мне тематический исток:
От перевала Эвота
Течёт он – словом *мерзлота* [Флоренский, 1997, с. 37] (курсив П. А. Флоренского. – Т. С.).

А. И. Олексенко замечает: «В мерзлоте о. Павел увидел символ целого края, оказавшегося столь близким его сердцу, и в то же время при-

роды как таковой» [Там же, с. 200–201]. На первый взгляд, мерзлота, как и весь дальневосточный предел, невзрачна. В начальных пейзажных зарисовках автор обращается к эпитету *серый*, выделяя его дважды:

Где в толще серой мерзлоты,
Как меж тоскливых серых туч,
Мерцает огустелый луч [Там же, с. 89].

Однако при внешней неприглядности в мерзлотной толще «*сокрыт дар Мидаса*» [Там же]. Мерзлота покорила Флоренского. Описывая ее родным, он прибегал к почти художественному языку:

Явления мерзлоты чрезвычайно интересны. <...> Лёд – разных цветов: синий на перевале, где вода особенно чиста, бирюзовый ниже, ещё ниже – аквамариновый, местами изумрудный. В некоторых случаях из трещин на вершине ледяного холма бьёт вода, правда, невысоко, но всё таки бьёт ключом [Флоренский, 1998, с. 116].

Развивая повествование, все больше очаровываясь дальневосточной землей и ее главным кладом, мерзлотой, автор трансформирует серый цвет в серебряный:

Парчи ль серебряный узор
Покрыв отроги местных гор? –
Иль склон крутой из серебра
Чеканит зимняя пора? [Флоренский, 1997, с. 93].

Серебряный в христианской традиции издревле символизировал мудрость. Флоренский, следуя цветовой христианской парадигме, соотносит серебряный с белым (зимняя пора) как знаком святости и чистоты. Отец Павел подчеркивает одухотворенность природы, благодать, разлитую по вершинам амурских хребтов:

Не купол то Софии, нет.
Но, облаченный в снег и свет,
Парит сияющий Фавор
Над цепью Тукурингских гор [Там же, с. 95].

Дальний Восток изображается благословенной землей. Она освящена божественным светом, воплощающим высшую соразмерность, присутствующую в природе, молитвенное состояние души. Фаворским свечением наполнены и «*недра вечной мерзлоты*»:

Хрустальный купол проступил,
Заглубев, как небосвод.
Но свод небес – не тот же ль лёд?
Сверкает бездной пузырьков,
Замкнутых в ледяной покров [Там же, с. 47].

Топос, где таится мерзлота, в произведении уподоблен храму. Свод пещеры покрыт «хрустальным куполом», «наледный кристалл», образованный от «невиданного водорозлива», словно священный аналой, возвышающийся в церковном пространстве. Флоренский, соединяя небо с землей (свод небес и мерзлота), замыкая круг мироздания, воссоздает гармонию, царящую во вселенной. Происходящее в стране, личные беды не сломили священника. Он, прозревающий свое «бессмертие», духовно перебарывал историю. Вопреки тяжелейшим невзгодам запечатлевал истинную суть бытия: природу в ее извечном, неподвластном человеку круговороте.

В прозаическом предисловии, созданном в Рухлово, Флоренский указал на многогранность образа мерзлоты: «Мерзлота, как тройной символ – природы, народа и личности, – таит в себе силы разрушительные и творческие» [Там же, с. 34]. Мерзлота неотделима от ороchon. Ее, как и дальневосточный народ, ученый призывает сохранять в первозданности. Человек, уничтожающий мерзлоту, чужд ороchonам:

Поёт пила, звенит топор,
Рвут аммоналом косогор,
Меж звуковых зеркал зовёт
Аврально поработать слет.
Безмолвье скрылось с тех пор –
Звучит в лесу фаланги хор.
<...>
Но шумом жизни удручён
В горах укрылся ороchon [Там же, с. 39, 41].

Флоренский, используя традиционные для лагерной официальной поэзии образы рабочих орудий (пила, топор, аммонал), посредством глагольной градации (*поёт – звенит – рвут – зовёт – звучит*) показывает, что намерение овладеть дальневосточным краем чрезвычайно сильно и активно. Песнь фаланги названа «боевой» [Там же, с. 89]. В противовес официальным авторам свободненского ИТЛ акцентируется противоестественный характер постижения дальневосточной земли. Образ Байкало-Амурской магистрали, вторгающейся туда, где веками «*Тында, иль Туман, бежит, / Селип, Ольдой и Муртегит*» [Там же, с. 39], с одной стороны, созвучен советской поэзии 1920–30-х годов со сверхэнергичным настроям переделать мир, с другой – соотнесен с библейской Вавилонской башней:

По ороchonским здесь тропам
Взнестися вверх намерен БАМ [Там же, с. 39].

Строители «двойного пути» [Там же], нарушая природный порядок, вмешиваясь в неизменный круг «зимы» и «лета», «ночи» и «дня», бросают вызов Богу. Главный герой произведения мальчик Оро, выросший в тайге и чувствующий ее изнутри, разрушению противопоставляет изучение:

Упорной мыслию пронзён,
Вскрыть мерзлоту пытался он [Там же, с. 47].

Флоренский поэмой доносит мысль об освоении Дальнего Востока через научное исследование. Он призывает не нарушать универсума, сотворенного Создателем, использовать богатства амурской земли, оберегая величественность и одухотворенность края.

Напористо-громкое вторжение лагерных фаланг противопоставлено вековой таежной тиши, чей образ реализуется благодаря аллитерационной нити, в основу которой положены звуки *с* и *ш*. При этом тишина в изображении Флоренского «живая». Звуковой комплекс глухих *с–ш* дополнен рядом звонких *р–д*: «Не *встретишь* здесь ни *кротовин*, / Ни *нор* *мышинных*. Ты *один* / Скитаешься в *стране* пустой / Не *видя* ни *души* живой. / В тайге не *слышен* птичий *грай*. / Печален и *суров* тот *край*» (выделено нами. – Т. С.) [Там же, с. 41]. Таежный шум не противоречит тишине. Для отца Павла важно подчеркнуть равновесие, царящее в природе, поскольку оно – символ баланса земных стихий, дарующего надежду и на мирскую справедливость. Безмолвие тайги приближает ее к Творцу. Тишина согласно православно-исихастской традиции – это один из способов божественного присутствия. Она в поэме олицетворяет вечные ценности, выражает духовную глубину, постичь которую дано Оро.

Флоренский, нередко применяя слова религиозной семантики (*купол, свод*) и церковнославянской огласовки (*прах, ветер, хладит, град*), придает образу Дальнего Востока возвышенные, одические очертания. Дальневосточная тайга сравнивается с Константинополем:

Поблек Царьград перед стволем;
Пурпурных лиственниц наряд
Затмил торжественный наряд [Там же, с. 43].

Природа, созданная Богом, превосходит творение человека и представляется вечным источником жизни и вдохновения как для Оро, так и для лирика-ученого. Отец Павел увидел в амурской природе смысл лагерного существования, нашел в ней утешение потрясенной испытаниями душе: «Природа – единственное верное, что ос-

тается надежно и не рискует испортиться» [Флоренский, 1998, с. 260].

Мерзлота у Флоренского выступает олицетворением личности, наделенной душой:

Вечная мерзлота разрушает, когда её начинают «обживать» и «освоить». Отсюда – «не трогай мерзлоты» ороحوнов. Но то же – о душе. Прикрытые мерзлотой, таятся в ней горечи, обиды и печальные наблюдения прошлого. Но не надо копаться в её недрах. Мерзлотная бодрость даёт силу справиться с разрушающими силами хаоса [Флоренский, 1997, с. 34].

Образ мерзлоты имеет сложную двойственную природу. С одной стороны, она – исцеляющее благо:

Я вижу, странник, ты скорбишь.
Вдохни полнее нашу тишь,
И боль замрёт, у нас на льдах
И пред людьми забудешь страх [Там же, с. 102].

Здесь мерзлота соотнесена с такими категориями философии Флоренского, как Логос, Высшая Воля, сливающимися в конечном счете в одно понятие – Бог. С другой стороны, мерзлота – это хаос. П. В. Флоренский и А. И. Олексенко замечают: «Отношение Флоренского к силам хаоса антиномично. <...> их надо сдерживать, дабы не всплыли наружу „горечи и обиды“, но именно в этих силах – источник, изначальная стихия творчества. Без страстей человек перестает быть человеком, но страсти должны быть побеждены смирением» [Флоренский, 1998, с. 14]. В предисловии Флоренский замечает: «Мерзлота – это эллинизм» [Флоренский, 1997, с. 34–35]. В письме к сыну Кириллу расшифровывает свою идею:

<...> древне-эллиническое понимание жизни, трагический оптимизм. / Жизнь вовсе не сплошной праздник и развлечение, в жизни много уродливого, злого, печального и грязного. Но, зная всё это, надо иметь пред внутренним взором гармонию и стараться осуществить её. Оро проходит чрез ряд тяжёлых обстоятельств и испытаний, но проходит чрез них для того, чтобы окрепнуть, чтобы выработалось его мировоззрение, чтобы он сделал научный подвиг – дал новый подход к природе, новое конкретное реалистическое понимание мира, в противовес безжизненному, отвлечённому, призрачному [Флоренский, 1998, с. 340].

Конфликт поэмы онтологичен. В произведении торжествует гармония, мальчик становится известным ученым. В реальной жизни господствует всепоглощающий хаос, поэтому у души, по мысли священника, должна быть «мерзлотная защита», дабы не вбирала она зло и сохраняла правду, которая для отца Павла всегда была со-

средоточена в Боге. В завещании, адресованном детям и составленном в 1917 году, Флоренский писал:

Самое главное, о чем я вообще прошу вас – это чтобы вы помнили Господа и ходили пред Ним. Этим я говорю все, что имею сказать. Остальное – либо подробности, либо второстепенное. Но этого не забывайте никогда [П. А. Флоренский: Арест и гибель, с. 183].

Вероятно, поэма ощущалась Флоренским своеобразным художественным завещанием, в котором он в образной форме желал напомнить родным о «самом главном»: в столь нелегкие для православия и России времена не поддаться искусу и хранить Бога в душе, а вместе с ним и долгую память об отце.

Образ Дальнего Востока является стержневым в «Оро». Его концепция в поэме противопоставлена художественно-публицистической трактовке, сложившейся в официальной лирике БАМлага, воспевающей трудовое покорение края и его глобальное переустройство. С помощью мотивов священного света и тишины дальневосточная земля показана благословенным местом, отмеченным Богом. Она универсум, не нуждающийся в кардинальном преобразовании. Изображение Дальнего Востока многоцветно-экспрессивно, что свидетельствует о сильнейшем эмоциональном впечатлении, которое амурская природа произвела на Флоренского. Поэт, актуализируя белый и серебряный цвета, осмысливает дальневосточный топос в рамках христианской традиции. Главное, что изумило и вдохновило отца Павла, – мерзлота. Именно она становится символом Приамурья, олицетворением одного из его коренных народов – орохонов. Помимо этого, художественное явление мерзлоты наделено функциями эзопова образа. Через него отец Павел, отправляя фрагменты поэмы в письмах к семье, стремился донести потаенные мысли и чувства о душе, о Боге, о его месте в мире и в сердцах людей. Эпистолярное и поэтическое отображение дальневосточных пределов свидетельствует о том, что амурский период воспринимался самим Флоренским как значимая веха судьбы, важнейший этап духовного самостояния и обогащения научной картины мира. Помимо этого, поэма «Оро», начатая отцом Павлом в свободненском лагере, позволяет назвать его одним из предтеч дальневосточной тематики в истории русской литературы XX века.

Список литературы

Архив УМВД России по Амурской обл. Ф. 58. Д. 322. Карт. 3 (заключенных БАМлага НКВД).

Больше, чем любовь: Павел и Анна Флоренские: Документальный фильм / реж. И. Звездочетова. 2014. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20883/episode_id/966483/ (дата обращения: 04.06. 2016)

Игумен Андроник (А. С. Трубачев). Жизненный путь священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. 2007. № 2. URL: http://www.srcc.msu.ru/bib_roc/jmp/07/02-7/16.htm (дата обращения: 20.06. 2016)

От мира сего: амурский год о. Павла Флоренского: Документальный фильм / реж. Е. Паршин. Свободный, МТ «Регион», 2001.

П. А. Флоренский. Pro et contra: Антология. СПб.: РХГИ, 1996. 752 с.

П. А. Флоренский: Арест и гибель. Уфа: Градо-Уфимская Богородская церковь, 1997. 254 с.

Павел Александрович Флоренский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 583 с.

Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. Части III–IV. М.: Время, 2010. 560 с.

Флоренский П. А. Оро. Лирическая поэма. 1934–1937. Документы, отрывки из переписки с семьей. Рисунки. М.: Институт учебника Paideia, 1997. 222 с.

Флоренский П. А. Сочинения. В 4 т. Т. 4: Письма с Дальнего Востока и Соловков. М.: Мысль, 1998. 795 с.

References

Arkhipelag GULAG: Opyt khudozhestvennogo issledovaniia [Works. in 30 Volumes. V. 5: The Gulag Archipelago: An Experiment of Literary Investigation]. Chasti III–IV. 560 p. Moscow, Vremia. (In Russian)

Bol'she, chem liubov': Pavel i Anna Florenskie (2014) [More than Love: Pavel and Anna Florensky]. Dokumental'nyi fil'm / rezh. I. Zvezdochetova. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20883/episode_id/966483/ (accessed: 04.06. 2016). (In Russian)

Florenskii, P. A. (1997). *Oro. Liricheskaia poema. 1934–1937. Dokumenty, otryvki iz perepiski s sem'ei. Risunki* [Oro. Lyrical Poem. 1934–1937. Documents, Fragments from the Family Correspondence. Drawings]. 222 p. Moscow, Institut uchebnika Paideia. (In Russian)

Florenskii, P. A. (1998). *Sochineniia. V 4 t. T. 4: Pis'ma s Dal'nego Vostoka i Solovkov* [Works. in 4 Volumes. V. 4: Letters from the Far East and Solovki]. 795 p. Moscow, Mysl'. (In Russian)

Igumen Andronik (A. S. Trubachev) (2007). *Zhiznennyi put' sviashchennika Pavla Florenskogo* [Life Path of Saint Pavel Florensky], Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii. No. 2. URL: http://www.srcc.msu.ru/bib_roc/jmp/07/02-7/16.htm (accessed: 20.06 2016). (In Russian)

Ot mira sego: amurskii god o. Pavla Florenskogo (2001) [(Not) of This World: The Amur Year of Father Pavel Florensky]. Dokumental'nyi fil'm / rezh. E. Parshin. Svobodnyi, MT "Region". (In Russian)

P. A. Florenskii. *Pro et contra* (1996) [P. A. Florensky: Pro et Contra]. Antologiia. 752 p. St.Petersburg, RKhGI. (In Russian)

P. A. Florenskii: *Arest i gibel'* (1997) [P. A. Florensky: His Arrest and Death]. 254 p. Ufa, Grado-Ufimskaia Bogorodskaia tserkov'. (In Russian)

Pavel Aleksandrovich Florenskii (2013) [Pavel Aleksandrovich Florensky]. 583 p. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN). (In Russian)

Solzhenitsyn, A. I. (2010). *Sobr. soch. v 30 t. T. 5. Arkhipelag GULAG: Opyt khudozhestvennogo issledovaniia* [Works. in 30 Volumes. V. 5: The Gulag Archipelago: An Experiment of Literary Investigation]. Chasti III–IV. 560 p. Moscow, Vremia. (In Russian)

The article was submitted on 22.05.2019

Поступила в редакцию 22.05.2019

Смыковская Татьяна Евгеньевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Благовещенский государственный
педагогический университет,
675000, Россия, Благовещенск,
Ленина, 104.
tarkatova@yahoo.com

Smykovskaya Tatyana Yevgenyevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Blagoveshchensk State Pedagogical University,
104 Lenin Str.,
Blagoveshchensk, 675000, Russian Federation.
tarkatova@yahoo.com